

ОТРАЖЕНИЕ КНИЖНОЙ ТРАДИЦИИ ТЪРНОВСКОЙ ШКОЛЫ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ КНИЖНОСТИ КОНЦА XIV–XV В. (ЕПИФАНИЙ ПРЕМУДРЫЙ. „ЖИТИЕ СТЕФАНА ПЕРМСКОГО“)

Валентина ПЕТРОВА (Чебоксары, Россия)

Тырновская школа — один из самых значительных средневековых славянских книжных центров, реформаторская деятельность которой имеет большое значение для всего православного славянства¹. Языковая реформа Тырновской школы является продолжением афонской реформы, проведенной в XIV в. усилиями славянских книжников, в результате которой был установлен единый для православного славянского мира литературный славянский язык². Активизация филологической деятельности, связанная с книжным исправлением, характерна для всей византийско-славянской культурной общности этого времени. В Московской Руси она проявляется с конца XIV в. и по традиции определяется как „второе южнославянское влияние“, само „второе южнославянское влияние“, в свою

¹ Роли и значению Тырновской школы в культурных процессах византийско-славянской общности XIV–XV вв. посвящена обширная литература. Обзор литературы и достаточно исчерпывающие списки содержат исследования последних лет. См.: Харалампиев И. Езикът и езиковата реформа на Патриарх Евтимий. С., 1990; Hebert M. L. Hesyhasm, Word-Weaving and Slavic Hagiography: The Literary School of Patriarch Euthymius. München, 1992; Кенанов Д. Евтимиева метафрастика. Път и мисия във времето. Велико Търново, 1999; Станков Р. Исихазмът, стилът „плетение словес“ и езиково-правописна реформа на Патриарх Евтимий С., 1999; Кенанов Д. Славянска метафрастика. Велико Търново, 2002; Дончева-Панайотова Н. Григорий Цамблак и българските литературни традиции в Източна Европа. Велико Търново, 2004.

² Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. М., 1999.

очередь, рассматривается в основном как воздействие книжной традиции Тырновской школы, имеющее далеко идущие последствия.³

О реформе, проведенной Тырновской школой, судят по косвенным данным: кроме трактата Константина Костенческого „О письменах“, который рассматривается как изложение теоретических установок тырновских реформаторов, основные положения реформы восстанавливаются по их отражению в сочинениях самого Патриарха Евфимия и его учеников, в том числе и в сочинениях славянских книжников, следующих тырновским традициям. К ним принято причислять древнерусского агиографа Епифания Премудрого, стиль которого в подавляющем большинстве исследований определяется как восточнославянская рецепция южнославянского „плетения словес“ — нового стиля славянской агиографии, созданного в Тырновской школе. Написанное им в конце XIV в.⁴ „Житие Стефана Пермского“ представляет собой один из образцов „наиболее тщательно славянизированных“⁵ восточнославянских текстов эпохи т.н.

³ Лихачев Д. С. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. М., 1958; Русев П. Место и роль Тырновской Евфимиевской школы в культурном общении на Балканах и Восточной Европе в средние века // Славянские культуры и Балканы. Т.1. С., 1978, с. 348—361; Русев П. Реформата на Евтимий Търновски (Характер, особености, разпространение) // Търновска книжовна школа. Т.2. С., 1980, с. 49—54; Станчев К. Евтимиевата школа в контекста на европейското духовно развитие // Старобългарска литература. Кн.11, 1982, с. 8—18; Данчев Г. Традициите на Търновската книжовна школа и литературата на древна Русия (Към вопроса за началото на пренасянето им) // Славянска филология. Т.XVIII. Литературознание и фолклор. С, 1983, 44—59; Динеков П. Търновската книжовна школа (История, основни черти, значение) // Старобългарска литература. Кн. 20, 1987, с. 3—19; Харалампиев И. Езикът и езиковата реформа на Евтимий Търновски. С., 1990; Харалампиев И. Строители на стария български книжовен език. Търновска книжовна школа. Велико Търново, 1995; Дончева-Панайотова Н. Търновската книжовна школа и българо-руското литературно общуване в контекста на културните процеси в Югоизточна и Източна Европа през XIV—XV в. // Търновска книжовна школа. Т.8. Велико Търново, 2007, с. 39—55.

⁴ Житие принято датировать 1396 годом, но, как подчеркивает Г. М. Прохоров, достаточных оснований, исключающих начало XV в., также нет (Прохоров Г. М. Епифаний Премудрый: Исследовательские материалы для „Словаря книжников и книжности Древней Руси“ // ТОДРЛ. Т.40, Л., 1985, с. 77—91).

⁵ Ворт Д. Место „второго южнославянского влияния“ в истории русского литературного языка (Материалы к дискуссии) // Д. Ворт. Очерки по русской филологии. М., 2006, с. 286—320.

„второго южнославянского влияния“, что заставляет предположить, что это сделано под южнославянским воздействием. Следует учесть и то, что Епифаний мог быть знаком с основными теоретическими положениями тырновских реформаторов непосредственно (через митрополита Киприана, который, по мнению многих исследователей, является проводником идей Тырновской школы в Московской Руси⁶). Если допустить и вероятность раннего (до 1393г.) появления сочинений патриарха Евфимия на Руси (согласно мнению Г. Данчева, некоторые произведения Евфимия могли быть у Киприана⁷), то теоретически можно предположить, что Епифанию они тоже были известны еще до написания им „Жития Стефана Пермского“. И наконец, нельзя не брать во внимание и книжную деятельность самого Киприана: принято считать, что его сочинения написаны в русле традиций Тырновской школы; „Похвальное слово митрополиту Петру“ представляет собой один из первых образцов нового витиеватого стиля в древнерусской литературе конца XIVв.⁸ С учетом всех этих факторов „Житие Стефана Пермского“ должно быть отнесено к самым показательным в отношении возможного проявления тырновских книжных традиций восточнославянским текстам указанного времени. Поэтому об особенностях реализации основных положений тырновской реформы в восточнославянской книжности к XIV—н. XV в. можно судить на основе сопоставления сочинения Епифания Премудрого с сочинениями книжников Тырновской школы (патриарха Евфимия, Григория Цамблака, Киприана). Результаты анализа имеют значение и для уточнения времени распространения книжной традиции Тырновской школы в восточнославянской книжности.

Языковая реформа Тырновской школы представляет собой сложный комплекс явлений, затрагивающий не только графику и орфографию, но и язык и стиль. Рамки доклада позволяют обратиться только к одному аспекту реформы; этот аспект — следование греческому языку, одно из основных положений языковой реформы. Тенденция к максимальному сближению с греческим языком проявляется прежде всего и ярче всего в синтаксисе, чем обусловлен выбор синтаксиса для сопоставительного анализа языка тырновских книжников и древнерусского агиографа. Синтаксис реформированного языка Тырновской школы представляет особый интерес и в силу того, что сама реформа языка прежде всего затрагивает

⁶ См. Н. Дончева-Панайотова, Г. Данчев и др.

⁷ Данчев Г. Традициите....

⁸ Данчев Г. Традициите...; Дончева-Панайотова Н. Тырновска книжовна школа...

именно синтаксис⁹; и именно синтаксис непосредственно связан с новым стилем тырновских книжников.

Синтаксис языка новых переводов XIV в. значительно отличается от синтаксиса древнейших славянских переводов, и это прежде всего связано со стремлением славянских книжников этого периода к точному воспроизведению формально-структурных особенностей греческих образцов. Точность перевода, которая обеспечивается буквальным следованием греческому, переводом слово в слово, когда каждому греческому слову соответствует славянское (причем предпочтительно той же части речи, что и в греческом), проявляется в грецизации славянского текста. Ориентация на греческие образцы характерна для афонских редакторов¹⁰, в той же степени она проявляется и у Тырновских реформаторов. „Именно при съпоставките със старите преводи и оригинали се вижда как в синтактично отношение езикът на Тырновската книжовна школа се е отдалечил от старобългарския синтаксис и се е сближил с гръцкия като е възприел и гръцкия словоред“¹¹. В Тырновской школе стремление следовать греческому вышло за рамки переводов и стало отличительной особенностью языка оригинальных сочинений Патриарха Евфимия и его учеников¹². В языке тырновских книжников находят отражение характерные для афонских переводов особенности грецизации текста, что проявляется в активном использовании конструкций, созданных по греческим моделям. Анализ „Жития Стефана Пермского“ показывает, что для языка Епифания они не характерны (либо отсутствуют, либо встречаются спорадически, что не дает оснований для того, чтобы считать их появившимися вследствие калькирования греческих моделей, поскольку такие конструкции могли быть использованы и в языке древнейших славянских переводов). Для сравнения обратимся к самым типичным конструкциям, отличающим язык новых переводов и оригинальных сочинений тырновских книжников.

⁹ Гълъбов И. Цамблаковото слово за Евтимий и българският книжовен език в края на XIV в. // Похвално слово за Евтимий от Григорий Цамблак. С., 1971, с. 59—60.

¹⁰ Алексеев А. А. Текстология..., с.183; Тасева Л., Йовчева М. Езиковите образци на атонските редактори // Българска филологическа медиевистика. Велико Тырново, 2006, с. 221—237.

¹¹ Иванова-Мирчева Д. Отражението на езика и стила на Тырновската книжовна школа в хомилетична литература от XIV в. // Тырновска книжовна школа. Т.2. С., 1980, с. 279. См. также: Харалампиев И. Езикът..., с.151.

¹² Иванова-Мирчева Д. Евтимий Тырновски — писател-творец на литературния български език от късното Средновековие // Тырновска книжовна школа. С., 1974, с. 197—210.

Интенсивное использование конструкций с местоимениями *иже*, *яже*, *еже* в соответствии с греческими конструкциями с артиклем, отмечаемое в новых переводах, составляет отличительную особенность языка тырновских книжников. Специфика использования субстантивных конструкций с местоимениями *иже*, *яже*, *еже* в сочинениях тырновских книжников заключается в регулярном воспроизведении греческой модели с препозицией зависимых членов и дистантным расположением компонентов: и таже на христианы от мучителен преста рать (Похв. Конст. и Ел. 114)¹³; слышахом во ваше, еже к стамъ любленіе (Похв. Кипр. 3/237a)¹⁴. Сочетаний такой структуры у Епифания практически (за редчайшим исключением) нет, поскольку он не обращается к дистантному расположению компонентов словосочетания; конструкции с препозицией зависимой части представлены немногочисленными примерами: комоу приказалъ еси стадо свое еже паствѣк попеченіе (Жт. Ст. 749)¹⁵. Древнерусский агиограф воспроизводит евангельскую модель с постпозицией зависимых членов и контактным расположением компонентов, свойственную кирилло-мефодиевским переводам: нода же аплъ иже по плшти братъ гнѣ. проповѣда в месопотаміи между рѣчникомъ (Жт. Ст. 661об). Как известно, в евангельских текстах крайне редки случаи субстантивации инфинитива при помощи *еже* и нет примеров калькирования греческого предложного инфинитива с членом. Епифаний следует этой традиции: в житии нет (за исключением одного случая в составе цитаты) примеров субстантивации инфинитива. В сочинениях тырновских книжников встречаются случаи субстантивации инфинитива: Кто низумѣганіе, тако еже и въскланѣти сѧ понѣ на голѣки земли штрик сѧ (Похв. Евф. 9.7)¹⁶, и даже с предлогом перед *еже*: И по еже мучити скетаго Пантелимона, мотѣншоу и горчѣншоу на христианы подвиже врань (Похв. Конст. и Ел. 111); Таже ниедино творѧ къ показанюу, нѣ къ еже танти сѧ паче (Похв. Евф. 18.2); И часто швращаѧ сѧ и зра сѧ блѣгочиніе, въ еже шествовати, въ еже оураждати сѧ, въ еже тоучиѣти сѧ, веселѣши сѧ (Похв. Евф. 38.4). В языке Епифания конструкции с местоимениями *иже*, *яже*, *еже* представляют собой традиционное книжное

¹³ Патриарх Евфимий. Похвальное слово Константину и Елене // E. Kalužniacki. Werke des Patriarchen von Bulgarien Euthymius (1375—1393). Wien, 1901, S. 103—146.

¹⁴ Григорий Цамблак. Похвальное слово Киприану // Дончева-Панайотова Н. Григорий Цамблак и българските литературни традиции в Източна Европа. Велико Търново, 2004, с. 415—420.

¹⁵ Епифаний Премудрый. Житие Стефана Пермского. ГИМ, Синод. собр., 91, лл. 650—777.

¹⁶ Григорий Цамблак. Похвальное слово Евфимию // Похвално слово за Евтимий от Григорий Цамблак. С., 1971, с. 111—232.

средство, активизация которого находится в соответствии с архаизирующими тенденциями этого времени¹⁷.

Устранение родительного падежа при отрицании и замена его винительным — черта, свойственная всем афонским переводам¹⁸, — находит последовательное применение в языке Патриарха Евфимия (родительный сохраняется только при глаголах, которые и в положительной форме требуют этой падежной формы)¹⁹: Нашъ же хощесть не възможеша видѣти въ нинѣшній вѣкъ (Жт. Ио. Р. 18)²⁰. То же отмечается и у Григория Цамблака: посредѣ цркве сихъ закалатъ, или паче рещи, сихъ сѣнствезеть, не зстыдѣти съ сѣдины, не пощадѣвъ юность (Похв. Евф. 56.3). В соответствии со старой книжной традицией Епифаний регулярно использует родительный падеж при глаголах с отрицанием: люужи вратѣа перѣмьсти шѣсьскы вогов не вставликайте. а жерѣтвъ и тревъ ихъ не забывайте. а старои пошлны не покидывайте. давни вѣры не помятайте (Жт. Ст. 695об).

Стремление установить соответствие в греческом и славянском на уровне грамматических категорий приводит к тому, что в новых переводах появляется тенденция к замещению формами дательного притяжательного форм прилагательного и родительного притяжательного²¹. В сочинениях Патриарха Евфимия дательный принадлежности употребляется наравне с родительным, чаще, чем это отмечается в языке древнейших переводов²². Некоторое изменение соотношения родительного

¹⁷ Петрова В. Д. Конструкции с местоимениями *иже, яже, еже* в языке славянской агиографии стиля „плетение словес“ (к вопросу о южнославянском влиянии на синтаксис древнерусской агиографии) // Вестник СПбГУ. Филология. Востоковедение. Журналистика. Серия 9. — Вып. 2, ч. 2. СПб., 2009, с. 162—171.

¹⁸ Пичхадзе А. А. К истории славянского Паримейника (паримейные чтения книги Исход) // Традиции древнейшей славянской письменности и языковая культура восточных славян. М., 1991, с. 147—173.

¹⁹ Харалампиев И. Езикът..., с. 112—113.

²⁰ Патриарх Евфимий. Житие Иоанна Рыльского // E. Kałuźniacki. Werke des Patriarchen von Bulgarien Euthymius (1375—1393). Wien, 1901, s. 5—26.

²¹ Пичхадзе А. А. К истории..., с. 164.

²² Иванова-Мирчева Д. Евтимий Търновски...; Харалампиев И. Езикът... Предпочтительному употреблению дательного принадлежности в языке търновских книжников, по мнению Д. Ивановой-Мирчевой, может быть два объяснения: греческое влияние (точное воспроизведение греческой формы и ее функции) либо стремление восстановить самые тонкие нюансы древнеболгарской нормы (Иванова-Мирчева Д. Отражението..., с. 279). И. Харалампиев считает, что вторая причина более вероятна (Харалампиев И. Езикът..., с. 108). Но на фоне доминирующей тенденции к воспроизведению греческих образцов, отличающей как афонских, так и търновских реформаторов, вероятнее все же первая причина.

и дательного приименного у Епифания по сравнению с языком более ранних книжников (Иларион, Кирилл Туровский) объясняется жанровыми особенностями жития (функционально близкого к похвальному слову), для которого характерны субстантивные сочетания с дательным объекта со значением качественной характеристики лица²³.

В новых переводах в соответствии с тем же стремлением к буквальной передаче особенностей греческой конструкции на уровне грамматических категорий старая форма местоимения *и* (винительный, равный именительному) вытесняется формой родительного *его*²⁴. Епифаний достаточно последовательно (наряду с новой), использует и старую форму (*и*): и напоушоу ввгы своа многоа на нь. иж'женоуць и и съкроушать и. и оустрашать и (Жт. Ст. 696об); начатъ разврати а и раз'славлши ихъ вет'хым оучениемъ своимъ прелестнымъ и соуетнымъ (Жт. Ст. 694об). Тырновские книжники используют только форму родительного падежа, форма *и* встречается исключительно редко. Еще одна отличительная особенность тырновских книжников — в качестве формы родительного падежа множественного числа местоимение *и* (*ихъ*) практически (за пределами цитат) не встречается, замещаясь формой *техъ*²⁵.

В сочинениях тырновских книжников под влиянием греческого языка в повествовательных частях появляется *praesens historicum* — „грамматическая категория, очень мало известная славянской средневековой письменности“²⁶. Она регулярно используется и патриархом Евфимием: штходить оубо къ иже по плъти сватаго братоу въ швраз'к н'когого в'кдома, овретаеть его печалїю дръжима и естествокными жлы стуркчема и недооум'кжца о лишенїи отрока и глаголетъ емоу сицевыа глаголы (Жт. Ио. Р.10); и Цамблаком: Каркаршм гаже окръсть в'с'к пл'кнзюшим, иуже ради и любезнжа онж поустьина оставль, коупно съ штцъан въ великын приходитъ Квонстантиноук град, идеже по мал'к вркмени новаго оного Явраама, къ гоу ошедша, мншгыми почитаетъ слъзани новын съ Исаакъ и гробоу пр'кдаеть (Похв. Евф. 15.2); и Киприаном: Исходить оубо от обители и овьходить окроуг места она поустьинна, и овретаеть место везмолвкно на рече, нарицаемон Рата, и тоу жилище себе

²³ Петрова В. Д. Присубстантивное распространение в произведениях стиля „плетение словес“ (на материале произведений Епифания Премудрого). Дисс. канд. филол. наук. Л., 1986.

²⁴ Пичхадзе А. А. К истории... , с. 164.

²⁵ Харалампиев И. Езикът... .

²⁶ Алексеев А. А. Текстология... , с. 194. Даже в новых переводах эта категория редкость. Она отражена в Чудовском Новом Завете, но в других переводах и редакциях Нового Завета этого времени ее нет (Алексеев А. А. Текстология..., с. 194).

кѣдрѣужаеть, и трѣды многы подѣмлеть, и болезни к колезнеи прилагает, и поты пролиет (Жт.Петр.78)²⁷. У Епифания такие формы встречаются как исключение: Ёликѡ же первѣе мало нѣкто ѿ нѣ кѣроваша и кришени бѣша ѿ него. тѣи часто прихѡждахоу. к немуу. и присѣдахоу рѣно емуу. съвѣсѣдоующе и съвѣпрашающе с нимъ. и повсегда держахоу ся его. и зѣло его люблахоу. а иже не кѣроваша. тѣи не любать его и ѡвѣгають. и оувити помѣшлаютъ (Жт.Ст.671об).

Воспроизведением порядка слов, свойственного греческому, объясняется в новых переводах постановка славянского послелого *ради* перед существительным²⁸. В сочинениях Патриарха Евфимия *ради* может стоять как перед существительным, так и после существительного (соотношение примерно одинаковое), в зависимости от того, в каком значении он употребляется²⁹. Однако такое распределение выдерживается не всегда, и *ради* в препозиции встречается и в случаях, когда он, в соответствии со значением, должен быть в постпозиции: Ёлма же и сѣа благодѣти лиших сѣа, шканины, ради инѡжѣтка монѣ грѣхѡвъ, мола сѣа и припадаа твоимѣ прѣклодовѣ (Жт. Ио. Р.19). У Григория Цамблака отмечается тенденция к препозитивному употреблению *ради*, в частности, преобладает препозиция (вне зависимости от значения) в „Похвальном слове Евфимию“: ѡже прѣжде ради поустѡты вѣсомъ паче, а не члѣки прѡходимѣ (Похв. Евф. 12.1); Сице вѣзвыси Іосифа ради цѣлоумѣдрїа и незловїа (Похв. Евф. 16.6). У Епифания *ради* всегда послелог, выступающий в постпозиции: и сїа всѣа тѡоритъ вѣа ради. и нашего ради спїсенїа. а не своего дела прикытка или инѣкнїа ради сокровица (Жт. Ст. 690об).

В переводах афонской редакции характерные для Кирилло-Мефодиевских переводов придаточные с союзом *да*, соответствующие греческому целевому инфинитиву, заменяются инфинитивом³⁰. Эта тенденция к устранению конструкций с *да* отмечается в языке тырновских книжников, которые сознательно уклоняются от их использования³¹. В языке Епифания эти конструкции, широко представленные в древнерусской

²⁷ Кириан. Житие митрополита Петра // Седова Р. А. Святитель Петр, митрополит Московский, в литературе и искусстве Древней Руси. М., 1993, с. 76–87.

²⁸ Чешко Е. В. Об афонской редакции славянского перевода псалтыри в ее отношении к другим редакциям // Язык и письменность среднеболгарского периода. М., 1982, с. 60–92.

²⁹ Харалампиев И. Езикът..., с. 100.

³⁰ Тасева Л., Йовчева М. Езиковите образци..., с. 224.

³¹ Харалампиев И. Езикът..., с. 120.

книжности домонгольского периода,³² остаются основным средством передачи значения цели. Из двух типов (*да+изъявительное наклонение* и *да+сослагательное наклонение*) у Епифания, как это характерно и для евангельских текстов, и для древнерусских текстов, преобладает первый — с глаголом в форме изъявительного наклонения: и даи же ми слово ѿчее слово. да та прославаю къ вѣкы вѣкомъ (Жт. Ст. 731). Примеров второго типа меньше: твѣкъ ко помагающоу и оукрѣпляющоу. да вы възмогъ нѣколько ѿ нѣ наочити и швратити. и привести къ твои блѣти (Жт. Ст. 670об). Наряду с конструкциями с *да* Епифаний использует и инфинитивные конструкции, но это скорее наследие предшествующей древнерусской книжной традиции, нежели прямое греческое воздействие: в церковнославянском языке русского извода инфинитивные конструкции были более употребительны, чем в старославянском; в языке ранней русской агиографии (жития в составе Успенского сборника) инфинитивные конструкции используются наравне с конструкциями с *да*.³³ В инфинитивной конструкции вместо *яко*, характерного для ранних памятников, Епифаний использует более книжного характера *еже*: и даи же имъ разоумѣ еже оукрѣдати твѣ. и познати та единого истиннаго вѣа (Жт. Ст. 674об). Следует подчеркнуть, что у Епифания нет ни одного примера с предлогом перед *еже*. Предложные конструкции, следующие греческим образцам, характерны для тырновских книжников: Посилаше самодръжьць гръкомъ къ зетевн своелѣ сръбскомоу цѣю посланники, за еже послати емъ воинства помощь (Жт. Ст. Д. 22.1)³⁴; Нъ греди ми нынѣ и самъ, Кънстантѣне, и слово дароуи, къ еже о твѣкъ начети слово (Похв. Конст. и Ел. 104).

В „Житии Стефана Пермского“ продолжают использоваться характерные для кирилло-мефодиевских переводов конструкции, которых избегают тырновские книжники. Епифаний удерживает традицию преобладающего использования двойного отрицания, принятого в кирилло-мефодиевских переводах и широко распространенного в древнерусской книжности: никто же насъ не проскѣтилъ стылѣ кърѣниемъ (Жт. Ст. 663об). Случаи одинарного отрицания в житии, как и в евангельских переводах и в древнерусских текстах предшествующего периода, встречаются: и никто же имъ блѣгокѣстилъ слова вѣа (Жт. Ст. 660об). В сочинениях тырновских книжников регулярно одинарное отрицание: Нъ долблага Кънстантѣна ничтоже

³² Иванова Т. А. К вопросу о славяно-русизмах в древнерусском литературном языке // Литературный язык Древней Руси. Л., 1986, с. 143—151; Ремнева М. Л. История русского литературного языка. М., 1995.

³³ Ремнева М. Л. История..., с. 66—67, с. 117—123.

³⁴ Григорий Цамблак. Житие Стефана Дечанского // Житие на Стефан Дечански от Григорий Цамблак. С, 1983.

оутан сѧ (Похв. Конст. и Ед.115); И да никто сѧ тѣлеснѧ възмнит, елико о пици и одѣкани тѣла, нѣ о спсєни дшѧ и помысль хранени (Похв. Евф. 11.2).

Греческое воздействие в новых переводах проявляется и в активизации конструкций, известных предшествующей славянской книжной традиции. Этим объясняется, в частности, возросшая интенсивность употребления причастных и инфинитивных конструкций в языке тырновских книжников³⁵. Особенности использования таких конструкций в „Житии Стефана Пермского“ свидетельствуют о том, что и в этом отношении Епифаний скорее следует древнерусской книжной традиции старшего периода³⁶: обилие причастий и причастных конструкций начиная уже с Илариона „становится важным признаком литературно-книжного языка“³⁷.

И наконец — очень значительно отличие синтаксиса Епифания от синтаксиса книжников Тырновской школы в области порядка слов, который составляет одну из самых ярких отличительных особенностей языка болгарских книжников, выработанных под греческим воздействием³⁸. Это видно даже при простом сопоставлении небольших фрагментов из сочинений патриарха Евфимия, Григория Цамблака, Киприана: Въ лѣпотѣ оубо кто намѣ поносилѣ вы, тако не тѣчию о добрыхъ лѣтннѣхъ имашилѣ и нерадивѣхъ, нѣ и завидашилѣ единоплѣкнннми добрыхъ причастіѣхъ, аще малчаниѣемъ блаженнаго Іоанна житіе прѣишли выхвѧи и не въскѣцѣмъ тѣшаниѣемъ, по възможномуу намѣ написано, такоже началнообразннми образѣхъ прѣдложили иже добрыѧ желашилѣ и ревнуѣщимъ доводѣтѣли на нас и сице прѣжде иныхъ ползѧ възсѣдѣши. Овилно оубо подражаніе имашоу за еже въ немъ въскѣхъ доводѣтѣлей стеченіѧ, не малѣ же обаче могѣще иже на не възирающимъ приложити ползѣ. Доволно въ таковоѣ вѣдѣть житіе не тѣчѣхъ иже съ мнѣмъ трѣдомъ по стѣпамъ послѣдствоѣущимъ великомуу ономуу къ подовнѣкѣ възвѣсти славу приближшихъ сѧ богови, нѣ и иже въ малѣ оубо того житіѣхъ подражавшихъ доволень приложити оупѣхъ; не тѣчѣхъ же, нѣ и тѣмъ, иже просто къ слоусѣхъ вѣвшихъ, не непричастнѣхъ, ползы вина боудѣть

³⁵ Иванова-Мирчева Д. Евтимий Тырновски...; Тихова М. Словоредни особености в Житието на Стефан Дечански от Григорий Цамблак и в Манасиевата хроника // *Palaeobulgarica*. Кн. 4, 1987, с. 55—61.; Харалампиев И. Езикът...

³⁶ Петрова В. Д. Причастные конструкции в языке славянской агиографии стиля „плетение словес“ (дательный самостоятельный) // *Активные процессы в современном русском языке*. Нижний Новгород, 2008, с. 172—177.

³⁷ Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. Л., 1989, с. 37.

³⁸ Об особенностях порядка слов в сочинениях тырновских книжников см.: Иванова-Мирчева Д. Евтимий Тырновски...; Тихова М. Словоредни особености...; Харалампиев И. Езикът...

(Жт. Ио. Р. 6); Нъ которыя похвалы словом прѣдстави, иже паче слова исправленіи вѣтиж. любовсловамы. млччаниемъ вѣмѣсто слова докродѣтѣль похвалити наказавшому. и самого естества прѣвѣзшедшому мѣры; и въсего видѣніемъ въсхищеннаго гшрних и не инако аже къ тѣлѣ оубѣрѣжца жизнь, разкѣ бгословнаго азыка оученіемъ, емоуже и пѣвецъ плетѣ слово глааше: азыкъ мой трѣсть книжника скорописца (Похв. Евф. 2.1); Сего же великаго во иерархехъ, иже апостольскою власть презриадне приняшаго и весьма ревнителя телнъ бывша, на немже тако на хероувилѣк, Доухъ Святый почикаше, красатицх и тростию зправления словес его. Но понеже ноужна, во беахоу и неоудобна и древниль онемъ списателей, тех, иже по Бозе житие подроноу написати или по достоинствоу похвалити, ради техъ въсокаго житиия и любви еже къ Богоу. нынешнаго посленейшаго рода, наипаче поперемногоу (Похв. Петр. 96)³⁹ и Епифания Премудрого: Такъ и ннѣ да оудивитъ гъ мѣть свою с нищетою моею. и да оутвердитъ оуничженіе мое. азъ оуничженныи не рооузакѣхъ тако скотъ вѣ. цахоу же сѣ и вшо еда како кто на мѣ вознепѣшет и възнегоудет тако зазоры ми в коелнѣо словѣк прелагаа. но азъ гѣшныи съ смиренольдѣель припадаю. и со оумилненемъ мало нѣчто съвѣдоую. къ почитающимъ и къ слышашимъ. коупно же и мѣтвоуа и простыню просѣ. цы воудеть ми нѣгдѣ приложила сѣ гѣчь зазорна. или не оустроена. или не оухищена. мшлю вы ѡ сѣмъ. не зарите ми гѣвости. и не воудите ми зазиратели. не вѣ ѡ мшети. но ѡ гѣвости пакъ же и въше речеса оубѣдихсѣ. нѣсѣмъ во доволень. или досоужень на се азъ неключиамъ разъ. простро недостоиню свою роукоу. оубѣдихъ свое злосѣтное невѣденіе. дрѣзноухъ подроноу писати. аще вгоу помогаюоу. и мѣтвалъ еппалъ споспѣшествоуюоушамъ. начинѣмъ веснокъ слевѣ. и зачало глѣмѣ (Жт. Ст. 653об.). Епифаний очень последователен в сохранении естественных связей внутри предложения, даже если оно очень велико по объему. Как правило, он не прибегает к дистантному расположению компонентов словосочетания за счет включения не входящих в структуру самого сочетания компонентов, что очень характерно для тырновских книжников (особенно в атрибутивных сочетаниях). В „Житии Стефана Пермского“ нет следов того „неестественного“, по определению Д. Ивановой-Мирчевой⁴⁰, с точки зрения славянского синтаксиса порядка слов, который во многом определяет синтаксическую структуру сочинений книжников Тырновской школы.

Сопоставление сочинений тырновских книжников с „Житием Стефана Пермского“ Епифания показывает, что синтаксис жития разительно отличается от синтаксиса тырновских книжников, и прежде всего именно

³⁹ Киприан. Похвальное слово митрополиту Петру // Седова Р. А. Святитель Петр, митрополит Московский, в литературе и искусстве Древней Руси. М., 1993, с. 96–107.

⁴⁰ Иванова Мирчева Д. Евтимий Тырновски..., с. 205.

вследствие того, что у древнерусского агиографа отсутствует ориентация на греческие образцы. Синтаксические инновации, появившиеся в новых переводах под влиянием тенденции к грецизации текста и получившие последовательное отражение в сочинениях тырновских книжников, характерными для языка „Жития Стефана Пермского“ не являются. Епифаний не стремится к использованию синтаксических конструкций, воспроизводящих формально-структурные особенности соответствующих греческих конструкций, отличающих переводные тексты этого времени. Синтаксис „Жития Стефана Пермского“ демонстрирует тесную связь с древнерусским синтаксисом, продолжающим кирилло-мефодиевскую традицию. Синтаксические конструкции, унаследованные древнерусским литературным языком из старославянского, находят широкое применение в языке жития; тенденцией к архаизации языка обусловлено активное использование в житии книжных конструкций, свойственных древнерусскому литературному языку старшего периода (конструкции с двойными падежами, причастные конструкции и т.д.). Именно архаизация (как грецизация у тырновских книжников) определяет синтаксический облик „Жития Стефана Пермского“.

Особенности стиля древнерусского агиографа, как и его язык, свидетельствуют о его ориентации не на образцы современной византийской (и южнославянской) литературы, а на древнее славянское книжное наследие, на традиции высокой книжности Древней Руси⁴¹. Славянский стиль „плетения словес“, как правило, рассматривается сквозь призму византийской (античной) риторической традиции, чем, в частности, объясняется наличие таких его характеристик, как умеренность (что считается одним из достоинств стиля книжников Тырновской школы) и многословие, излишество (часто ставится в вину Епифанию). С такой точки зрения южнославянское и древнерусское „плетение словес“ представляют собой модификации одного и того же стиля⁴². Однако внимательное сопостав-

⁴¹ См. Лихачев Д. С. Развитие русской литературы XI—XVII вв.: Эпохи и стили. Л., 1973; Mulić M. Srpski izvori „pletinja sloves“. Sarajevo, 1975; Kitch F. The literary Style of Epifanij Premudryj: Pletenije sloves. München. 1976.

⁴² Следует подчеркнуть, что широко распространенное положение о зависимости стиля Епифания от стиля тырновских книжников, из которого исходят исследователи при характеристике стиля Епифания, в абсолютном большинстве работ не основано на сопоставительном анализе сочинений болгарских книжников и древнерусского агиографа. Этот тезис принимается априори. Однако как только исследователи обращаются к непосредственным источникам, выясняется, что стиль болгарской агиографии и стиль древнерусского книжника далеко не одинаков. Интерпретируется это по-разному. Ф. Китч оригинальность и независимость стиля Епифания Премудрого от южнославянских (тырновских) образцов объясняет тем, что древнерусский агиограф, обладая меньшей

ление текстов тырновских книжников и древнерусского агиографа показывает ошибочность такого определения. Если стиль тырновских книжников действительно находится под знаком византийской риторической традиции, то в отношении древнерусского агиографа следует подчеркнуть

образованностью и будучи более провинциальным, нежели Патриарх Евфимий, в меньшей степени подвергся византийскому воздействию и был более свободен в изложении собственной концепции святости (Kitch F. The literary Style...). По мнению Д. Кенанова, Епифаний остается представителем первой степени славянского стиля „плетение словес“ — ясного монументального стиля, начало которому положено в древней болгарской литературе. Усложненный эмоционально-экспрессивный стиль „плетения словес“ — достояние тырновских книжников: „В стилистиката на Епифаний Премъдри се оглежда ясното, чистото изразяване в стила „плетение словес“ <...> от българския „Златен век“ и Киевска Русия. С прекомерния си интерес към благозвучието на речта Епифаний принадлежи и към втората степен на „витийското вземо“ — усложнения эмоционално-експрессивен, „небесногласен“ стил „плетение словес“, до който първи се добира св. Евтимий, патриарх Тырновски“ (Кенанов Д. Славянска метафрастика, с. 147). Ср. также ничем не обоснованное мнение А. Джамбелуки-Коссовой о „творческом неумении“ Епифания, которое воспрепятствовало ему воспроизвести стиль тырновских книжников, которому он пытался следовать: „Житието на Стефан Пермски“ носи видимите, но и съвършено повърхностни! белези на силното обаяние на тъй нареченото „второ южнославянско влияние“. Неговият създател старателно е усвоил утвърдените в школата на Евтимий езикови норми. Подчертавам езикови норми, защото Епифаний усвоява само ЛЕКСИКАТА с нейната графична норма. Пренебрегва същевременно литературния СТИЛ. Епифаний възприема Тырновския образец и въз основа на възстановената от него Кирило-Методиева езикова норма ревностно ПРЕЧИСТВА, в семантичен и лексикален план, своя ИЗКАЗ“ (Джамбелука-Коссова А. Реторично-стилистични похвати и поетика в исихастско писмо на Григорий Цамблак // Тырновска книжовна школа. Т. 7. Велико Тырново, 2002, с. 45). „Извисеното словесно искусство“ тырновских книжников осталось недостижимо для Епифания, он ограничился лексикой, „докато нейните най-присъщи и качествено нови особености го оставят напълно безразлични“ (Там же, с. 46). Характерная для тырновских книжников „удивителна пестеливост на средства“, противопоставленная „невыносимому многословию“ Епифания, „изключва всякаква реална възможност за някаква стилова последователност между Евтимиевата традиция и московския агиограф“ (Там же, с. 46). Следует отметить, что характеристика стиля Епифания и выводы А. Джамбелуки-Коссовой во многом основаны на неправильно понятых (или искаженно интерпретированных) положениях Б. А. Ларина, на которого ссылается исследовательница (прим. 42): „Ларин говори обстойно за т.нар.

приоритет библейской традиции. И знаменитое многословие Епифания, проявляющееся в многочисленных повторах, лишенных, на первый взгляд, какой бы то ни было функциональной нагрузки, напрямую отражает то отношение к повторам, которое свойственно библейской традиции: повтор — не просто элемент украшения, а способ оформления мысли. Новый стиль южнославянской и новый стиль древнерусской агиографии XIV—XV вв. различаются прежде всего не степенью интенсив-

„Второ южнославянско влияние“ като за процес на реставрация на старобългарския, който той нарича *старославянски*, а на с. 241—242 четем: „Второе южнославянское влияние этот процес можно назвать реставрацией старокнижных традиций в литературном языке, в основном это реставрация старославянского языка“ (Там же, с. 52). Но именно на указанных страницах Б. А. Ларин говорит не о „втором южнославянском влиянии“, а о процессе, который как раз не следует путать со „вторым южнославянским влиянием“ — реславянизацией: „Со второй половины XV в. начинается другой процесс, который никем отчетливо не выделялся в истории русского литературного языка, но который надо обособить от „второго южнославянского влияния“. Этот процесс можно назвать реставрацией старокнижных традиций в литературном языке. В основном это реставрация старославянского языка, но в известной мере и древнейшего русского литературного языка домонгольской поры. Процесс реставрации был гораздо глубже, значительнее, имел более существенное значение в истории литературного языка, чем „второе южнославянское влияние“. Никому не придет в голову объяснять этот процесс какими-то внешними причинами, зарубежными влияниями. Он, несомненно, местный и связан с теоретическим обоснованием московского самодержавия“ (Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (середина X — середина XVIII в.) М., 1975, с. 241—242). Что касается лексики Епифания, следует уточнить, что словарный состав жития содержит значительное количество слов, принадлежащих живому древнерусскому языку (См.: Дмитриев Л. А. Нерешенные вопросы происхождения и истории экспрессивно-эмоционального стиля XV в. // ТОДРЛ, Т. 20, 1964. — С. 72—89; Иванова М. В. Древнерусские жития XIV—XV вв. как источник истории русского литературного языка. М., 1998). В отношении графико-орфографических особенностей текста следует отметить следующее: в анализируемом списке жития (ГИМ, Синод собр. 96), относящемуся рубежу XV—XVI вв., получили отражение те написания южнославянского происхождения, которые закрепились в церковнославянском языке русского извода. Из особенностей, не вошедших в эту систему, надо отметить зияние, спорадически встречающуюся греческую альфу, идеографическое написание о очное. Естественно, эти написания не могут принадлежать самому Епифанию, поскольку в таком наборе эти особенности для московских рукописей конца XIV—XV вв. не характерны. В то же время несомненно самому Епифанию принадлежат релевантные для древнерусской орфографии (сложившиеся к середине XIV в.) написания:

ности и оригинальности использования риторических приемов (они достаточно разработаны уже в древней славянской книжности), но характером организации текста, который определяется разными способами выражения мысли: восходящими к византийской (античной) риторической традиции (Тырновская школа) и к библейской традиции (Епифаний Премудрый). Тырновские книжники воспроизводят приемы современной им византийской украшенной прозы, Епифаний Премудрый — поэтические приемы ветхозаветных книг и византийско-славянской гимнографии. „Житие Стефана Пермского“ — поэтическое (не риторическая проза) произведение, „плетение словес“ (напомним, что по отношению к собственной манере его употребляет именно Епифаний — и только он) следует понимать как определение специфического, поэтического (в терминологическом значении) способа организации текста⁴³. Это в значительной

ж как рефлекс сочетания *dj, /ɔrt (чаще с прояснившимся редуцированным), *re* вместо старославянского *rk* в неполногласном сочетании, начальное *у* в соответствии с южнославянским *ю*. Как известно, именно такие написания, особенно *ж*, в рукописях второй половины XV—XVI вв. подвергались систематической правке (Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI—XVII вв.) М., 2002). В рукописи Жития Стефана Пермского они оставлены без изменений: очень последовательно пишется *ж*, формы с *жд* немногочисленны (чаще это написание встречается в форме *заклѣждыши*, где наряду с *жд* может выступать и *ж*), только по-древнерусски пишется сочетание редуцированный + плавный (преобладают написания с прояснившимся редуцированным, есть написания с *ъ*, на месте пропущенного редуцированного может писаться *паерок*, и очень редко, всего в нескольких случаях, отмечено написание по южнославянскому образцу: *дръзньоукъ*); соответственно только *re* в неполногласном сочетании: *врѣма*; начальное *у* в соответствии с южнославянским *ю*: *оуноеть*. Характерно отсутствие греческих букв *кси* и *пси*, которые были восстановлены в греческих словах. То, что такие написания сохраняются в характерном для древнерусской орфографии облике, может говорить только об одном — у Епифания они представлены именно таким образом. Следовательно, в графике и орфографии жития нет отчетливых следов подражания южнославянским образцам, и это при том, что Епифаний мог быть знаком с новыми графико-орфографическими нормами. Последовательное сохранение особенностей письма, свойственных древнерусской норме, говорит о сознательной установке Епифания на книжную традицию, выработанную древнерусскими книжниками предшествующего периода.

⁴³ Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова. Прага, 1975; Петрова В. Д. Повторы в древнерусской агиографии стиля „плетение словес“ // Мир русского слова и русское слово в мире. Т. 3. С., 2007. — С. 165—172; Петрова В. Д. О древнерусском плетении словес // Вестник СПбГУ.

степени стало причиной того, что „плетение словес“ Епифания не нашло последователей. Стиль болгарской агиографии, разработанный в Тырновской школе, имел большое значение для развития московской агиографии после епифаниевского периода. Воздействие южнославянского нового стиля испытывают восточнославянские книжники более позднего времени, когда на Руси широкой известностью начинают пользоваться сочинения Григория Цамблака⁴⁴ (сочинения Киприана вряд ли могли претендовать на роль образцов нового стиля).

Тырновская языковая реформа была многоаспектна, „най-напред тя е била свързана с избор на преводаческа техника, с определено отношение към преводаческата, езикотворческата и преписваческата дейност на предходните книжовници, като се започне от времето на Константин-Кирил и Методий и се стигне до среда на XIV в.“⁴⁵ Тырновских книжников отличает критическое отношение к предшествующей книжной традиции, отрицательное восприятие качества первых переводов⁴⁶. Несовершенство первых переводов, которое стало причиной их исправления, объясняется недостаточной подготовкой переводчиков. Такое восприятие текста, не свойственное для ареала *Slavia Orthodoxa*, знаменует начало появления и утверждения нового отношения к тексту, сопоставимого с тем, что отмечается у западных гуманистов — правильность текста зависит от ученой филологической обработки, а не от его древности. Для гуманистической традиции „ценность книжного языка состоит не в его „святости“, а в его обработанности. Поэтому древность текста, в частности, древность перевода перестает рассматриваться как его принципиальное достоинство, существенно большее значение приобретают другие его свойства, определяемые ученостью редактора или переводчика“⁴⁷.

Филология. Востоковедение. Журналистика. Серия 9. — Вып. 4, ч.2. СПб, 2007, с. 53—61. Исходя из этого было бы логично применять термин „плетение словес“ только по отношению к Епифанию, но ставшая уже устойчивой традиция использования вынуждает оставить его за всей православной славянской агиографией XIII—XV вв. нового стиля. В любом случае Епифаний оказывается вне русла традиций Тырновской школы.

⁴⁴ Дончева-Панайотова Н. Григорий Цамблак... .

⁴⁵ Харалампиев И. Езикът..., с. 5.

⁴⁶ Гълъбов И. Цамблаковото слово...; Харалампиев И. Езикът... .

⁴⁷ Живов В. М. Гуманистическая традиция в развитии грамматического подхода к славянским литературным языкам в XV—XVI вв. // XI Международный съезд славистов. Братислава. Доклады российской делегации. М., 1993, с. 115.

В сочинениях книжников Тырновской школы декларируется требование (сформулированное Патриархом Евфимием в „Житии Иоанна Рыльского“) писать „по лѣпотѣ“, основанное на восприятии предшествующей агиографии как „нехитрой“ и „грубой“: *Иже во иже прѣжде нас о немь нехытѣкѣ нѣкако и грѣвѣкѣ списаша, сна мѣ по лѣпотѣ, также ключию естъ, оусердно съповѣдати потѣщахом сѧ.* В требовании писать „по лѣпотѣ“ исследователи видят изложение идейно-эстетической программы книжников Тырновской школы, интерпретируя это определение как стремление „писать красиво, изящно, художественно, не по возможностям грубой повседневной речи, а по законам красоты“⁴⁸. Это свидетельство явного отталкивания от предшествующей книжной традиции: „Стремѣжѣт на Евтимий да пише „както се полага“ (якоже ключимо естъ), т.е. като се спазват нормите, е ясно противопоставяне на традицията, на писането до него“⁴⁹. Отрицательное отношение к древнему книжному наследию в творческой практике тырновских книжников определяет выбор в качестве образца современной византийской литературы, ориентацию на греческий язык.

С другим отношением к письменному наследию мы сталкиваемся в восточнославянской книжности отмечаемого периода. „Житие Стефана Пермского“ свидетельствует об исключительном авторитете Кирилло-Мефодиевской традиции в древнерусской книжности конца XIV в.⁵⁰ Совершенство языка древних переводов не подвергается сомнению; это действительно и по отношению к языку оригинальных сочинений. Епифаний не противопоставляет свой язык языку предшественников, что позволяет ему ориентироваться на образцы древнеславянской книжности (особенно тесно связан стиль Епифания с древнерусской орнаментальной прозой эпохи Киевской Руси, сочинениями Илариона и Кирилла Туровского). У Епифания сохраняется традиционное для славянской книжности

⁴⁸ Русев П. Стилистиката, поетиката и естетиката на исихазма в творчеството на Тырновските книжовници // Проблеми на изкуството. С., 1976, № 4, с. 54; Дончева-Панайотова Н. Към теорията и практиката на стила „плетение словес“ в произведенията на писателите от Тырновска книжовна школа // Тырновска книжовна школа. Т.7. Велико Тырново, 2002, с. 19–33; Дончева-Панайотова Н. Тырновската книжовна школа... . Другая интерпретация данного определения представлена у И. Харалампиева (Харалампиев И. Езикът..., с.10.).

⁴⁹ Станчев К. Поетика на старобългарската литература. С., 1982, с. 32.

⁵⁰ Петрова В. Д. Кирилло-Мефодиевская традиция в языке древнерусской агиографии („Житие Стефана Пермского“ Епифания Премудрого) // Преславска книжовна школа. Т. 11. Шумен, 2010, с. 225–241.

предшествующего периода восприятие Кирилло-Мефодиевского наследия. В „Житии Стефана Пермского“ проявляется идущая еще от Храбра (словѣнѣскаа писмена стѣпиши сътъ и чѣстнѣиша. стѣъ кв мужъ створилъ на ѣ, а грѣчьскаа елини погани) традиция о святости славянского языка, противопоставленного греческому, о его превосходстве над греческим: Тѣмъ же лию. тако рѣскаа грамота чѣтнѣиши естъ елѣинскіа. стѣъ кв мужъ сотворилъ ю естъ. кѣрила рекоу дѣлосодѣ. а грѣчьскоую алѣавитоу елѣини некрещени погани соуще составляли соуще (Жт.Ст. 731)⁵¹. В глазах Епифания греческий язык не обладает тем безусловным авторитетом, который признают тырновские книжники и переводчики этой эпохи (отсюда и разное отношение к греческому языку у тырновских книжников и у Епифания).

Книжная справа, охватившая в XIV—XV вв. всю византийско-славянскую общность, основана на идее очищения книжного языка от накопившихся вследствие воздействия разговорного языка наслоений; устранение из книжного языка элементов, свойственных живому языку, приводит к отдалению книжного языка от живого. Отталкивание от живого языка — принципиальная установка книжников Тырновской школы, но тырновские реформаторы при обосновании своей деятельности не ограничиваются только признанием постепенной „порчи“ книжного языка под воздействием народных элементов, они подвергают древние переводы филологической критике, определяя их как несовершенные, а тем самым требующие исправления. Это отношение к языку переводов переносится и на язык оригинальных произведений. В Московской Руси это не так: речь не идет о переоценке предшествующей книжной традиции — она сохраняет свой авторитет и свою привлекательность. Определяющим для восточнославянских книжников остается „традиционное культурное сознание, видевшее основу книжного языка в священных текстах, созданных славянскими первоучителями“⁵².

Поэтому совершенно закономерно, что для восточнославянских книжников исключительно важное значение приобретает архаизация языка. Для восточнославянской книжности к. XIV—XV вв. характерны реставрационные процессы: архаизация книжного языка воспринимается как некий способ возвращения к исходному состоянию — древнерусской книжности эпохи Киевской Руси. Речь, конечно же, не может идти о восс-

⁵¹ Соответственно пермский язык, созданный Стефаном, оказывается также святым: тако же и потомъ же пермьскаа грамота паче елѣиньскіа. юже сотвори стѣданъ. талиш кѣрилъ. адѣ же стѣданъ (Жт. Ст. л. 731—731об).

⁵² Живов В. М. Гуманистическая традиция..., с. 116. Критическое отношение к древним переводам в Московской Руси начинает отмечаться только с XVI в. (См. Живов В. М., там же).

тановлении старославянского языка — в Московской Руси в конце XIV—XV в. осуществляется процесс сознательной архаизации языка через призму древнерусской книжной традиции, основанной на Кирилло-Мефодиевской. „Политическая, государственная, идеологическая необходимость требовала создания нормы, и основные ее формальные компоненты были найдены в архаизмах (идеал — в прошлом). Высокий стиль осознается на фоне нейтральных средств <...>, он не создавался искусственно, а неизбежно складывался в ходе развития языковой системы как функционально оправданный набор архаических форм. ... Развитие стиля определялось социальными требованиями времени, но также зависело и от развития системы родного языка“⁵³.

В языке тырновских книжников максимальное удаление языка высокой книжности от живого языка достигается за счет грецизации. В отличие от языка древнерусской книжности этого периода в отношении книжников Тырновской школы речь не может идти о сознательной архаизации⁵⁴. Тырновские книжники отнюдь не стремились к тому, чтобы приблизить свой язык к языку Кирилло-Мефодиевских переводов. Один из двух основных принципов Евфимиевской языковой реформы — „съобразяване с етапа, до който е достигнало развитието на старобългарската книжовна

⁵³ Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. Л., 1989, с. 134.

⁵⁴ О сознательной установке на архаизацию можно говорить в том случае, если тенденция к использованию форм, свойственных языку древних памятников, проводится *последовательно* (как это, например, свойственно Епифанию). Епифаний последовательно использует ставшие архаическими, вышедшие из употребления в живом языке, формы: исконные падежные окончания, формы двойственного числа (неправильные формы достаточно редки), простые формы прошедшего времени и плюсквамперфект, формы 2 л. настоящего времени глаголов и инфинитива без редукции конечного гласного, звательную форму, результаты второй палатализации и т.д. Последовательный характер архаизации в языке Епифания очень ярко проявляется в том, что он сохраняет архаическую форму и в том случае, когда она совпадает с той, что свойственна живому языку, хотя, как известно, язык высокой книжности этого времени стремится к максимальному удалению от народного языка. В языке книжников Тырновской школы этой последовательности нет. Естественно, язык Епифания не мог быть полностью защищен от проникновения элементов, характерных для живого языка. В определенной мере в житии (на всех уровнях) отражены процессы, происходящие в древнерусском языке конца XIV в., но на уровне морфологии и синтаксиса они не представляют собой систематического явления и не являются помехой для ведущей тенденции, определяющей облик языка жития, — архаизации.

норма в среднобългарската епоха, с новоразвити черти, добили широко разпространение в среднобългарските паметници“ (второй — „принципът за следване особеностите на гръцкото писмо, на гръцкия правопис и език“)⁵⁵. Об архаизации языка тырновских книжников можно говорить постольку, поскольку сохраняется синтетический строй языка, в то время как в живом болгарском языке побеждает тенденция к аналитизму. „Реформата се е придържала към едно много важно основно правило — книжовният език трябва да съхрани непокътнат своя синтетичен строеж“.⁵⁶ В этом отношении тырновские реформаторы очень последовательны, они свободно допускают новые формы, но только при условии, если они не нарушают синтетический облик языка. Но и в этом можно видеть определенное воздействие греческого языка: можно предположить, что стремление к максимальному приближению к структуре греческого языка поддерживает в языке тырновских книжников синтетические формы. Сознательная ориентация на греческий язык из переводческого правила превратилась в норму, определяющую язык и стиль тырновских книжников⁵⁷. Язык высокой книжности Тырновской школы, в отличие от языка восточнославянских книжников, создавался с опорой на иноязычные образцы.

Следование языку южнославянской (среднеболгарской) письменности неизбежно должно было вылиться в грецизацию языка высокой книжности Московской Руси к XIV—XV в. Однако выбор восточнославянскими книжниками другого принципа — архаизации — исключает вероятность обращения к среднеболгарским образцам, что и демонстрирует язык „Жития Стефана Пермского“. В житии нет отчетливых следов южнославянского воздействия ни на графико-орфографическом уровне, ни в языке, ни в стиле. Специфические особенности языка среднеболгарской книжности („типичный язык и стиль“ тырновских книжников⁵⁸) в языке Епифания не обнаруживаются. Язык выдающегося древнерусского агиографа Епифания Премудрого, свободный от ведущей тенденции, определяющей язык тырновских книжников, — яркое свидетельство того, что восточнославянские книжники иноязычному образцу предпочли свой, славянский, — древнерусское книжное наследие, основанное на Кирилло-Мефодиевской традиции.

⁵⁵ Харалампиев И. Езикът..., с. 152—153.

⁵⁶ Харалампиев И. Езикът..., с. 153.

⁵⁷ Иванова-Мирчева Д. Отражението..., с. 272; Тихова М. Словоредни особености..., с. 56; Харалампиев И. Езикът..., с. 121.

⁵⁸ Иванова-Мирчева Д. Задачи на изучаването на български книжовен език от XIII—XIV в. и първата четвърт на XV в. // Тырновска книжовна школа. Т. 3. С., 1984.

Из изложенного выше явствует, что основные положения тырновской реформы в восточнославянской книжности к XIV—XV в. еще не были востребованы. Следовательно, начало проникновения книжной традиции Тырновской школы нельзя отнести ко времени расцвета деятельности Тырновской школы, до падения Тырнова⁵⁹. Усвоение филологического наследия Тырновской школы относится в Московской Руси к более позднему периоду; оно может рассматриваться в идеологическом контексте теории „Москва — третий Рим“, когда актуализируется идея о едином славянском языке с ориентацией на греческий⁶⁰.

---

⁵⁹ Вопреки мнению Г. Данчева. См. Данчев Г. Традициите...

⁶⁰ Во второй половине XV в. „окончательно созревает почва для появления идеи „Москва — третий Рим“, поскольку к этому времени северовосточная Русь осталась вообще единственной православной страной, обладающей политической и государственной независимостью. <...> Москва — наследница Рима и Константинополя, Москва — спасительница духовного (т.е. для того времени — только христианского) мира славян, причем славян, имеющих свой алфавит, свою письменность, богословие на своем языке... Вот здесь-то и возникает идея преемственности наследия письменного, в том числе даже в его графико-орфографическом аспекте“ (Жуковская Л. П. Гречизация и архаизация русского письма 2-й пол. XV—1-й пол. XVI вв. (Об ошибочности понятия „второе южнославянское влияние“) // Древнерусский язык в его отношении к старославянскому. М., 1987, с. 149). См. также: Жуковская Л. П. К вопросу о южнославянском влиянии на русскую письменность (Житие Анисьи по спискам 1232—1632 гг.) // История русского языка: Исследования и тексты. М., 1982. — С. 277—287; Жуковская Л. П. О южнославянском влиянии XIV—XV вв.: На материале проложного Жития Евгении // Язык и письменность среднеболгарского периода. М., 1982. С. 26—59.